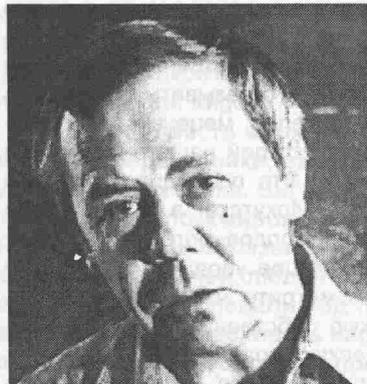

Беседы «Сибири»

ВЕЮТ ЛИ ВИХРИ ВРАЖДЕБНЫЕ?

Беседа главного редактора журнала «Сибирь»
Василия Васильевича Козлова
с Валентином Григорьевичем Распутиным

— Валентин Григорьевич, недавно у вас вышла вторым изданием книга «Сибирь, Сибирь» проиллюстрированная известным иркутским фотохудожником Борисом Дмитриевым. Первое издание выпустило издательство «Молодая гвардия» в 1990 году. Тогда в Иркутск поступило небольшое количество книг, так как весь тираж ушел за границу, издательству нужна была валюта.

Второе дополненное издание имеет довольно большой для нашего времени тираж. Книга поступила в библиотеки области, продается в книжных магазинах.

Как рождалась книга? Как дошла до печатного станка, красочная, со множеством цветных фотографий, говоря языком нашего времени такая недешевая книга? Ваши ощущения от выхода книги и есть ли еще в Сибири вдумчивый читатель.

— Эта книга составлялась в течение почти всех 80-х годов, потребовались поездки, да и неоднократные, и на побережье Ледовитого океана, и в Горный Алтай, и в Тобольск, и в Кяхту. Откровенно говоря, это была инициатива издательства «Молодая гвардия» — в серии «Памятники Отечества» выпустить книгу о Сибири. Издательство оп-

лачивало не только дорожные расходы, но и фотопленку. Тогда это было в порядке вещей: оно заказало книгу, и оно взяло на себя расходы по ее подготовке, но вышла «Сибирь, Сибирь...» в самое неподходящее время: ее представление, новоязом говоря, презентация, состоялась в начале сентября 1991 года, когда к власти только что окончательно пришли Ельцин и его камарилья. Началось разрушение всего и вся, в том числе и издательства «Молодая гвардия». Тираж не был напечатан до конца, книгораспространение с год находилось в тяжелом обмороке, затем окончательно рухнуло. Книгу легче оказалось отправить за границу, чем привезти в Рязань или Тобольск. В Иркутск ей посчастливилось добраться только благодаря вам, Василий Васильевич, насколько я помню. Вы своими руками загружали пачки с «Сибирью...» в поезд в Москве и своими же руками в Иркутске разгружали.

Со вторым, иркутским, изданием книге повезло.

Во-первых, потому что ее заметил губернатор (я говорю о Б. А. Говорине), и во-вторых, потому, что в Иркутске в 2000-м году намечался Байкальский экономический фо-

рум, мероприятие грандиозное, собравшее народ едва ли не со всего мира. И работа наша для него оказалась кстати. Но прежде нам с Борисом Дмитриевым пришлось попотеть, чтобы «Сибирь. Сибирь...» не отстала от времени и учла те новые реалии, которые в избытке нагрянули на наш край. Очерк о Лене готов был раньше (к сожалению, не получилось проплыть по Лене от начала до конца, финансировать нас уже было некому), но потребовались буквально ко всем главам и дополнения, и уточнения, и свежие осмысления. Сейчас видно: этой книге очень не хватает очерка о Транссибе.

Теперь о читателе. Последние десять лет изменили читателя больше, чем предыдущие сто. Россия перестала быть самой читающей страной, хорошая книга перестала быть такой же необходимостью, как хлеб. Дошло до того, что библиотеки за счет своего нищенского финансирования предпочитают заказывать «доходные» книги — те, которые будут выдаваться за деньги. Это феноменальное «достижение» российской культуры, своего рода открытая проституция: публичные книжные хранилища опускаются до уровня публичных домов. И то, что наша «Сибирь...» пришла в библиотеки области бесплатно и будет выдаваться бесплатно — радует. У нее не будет большого читателя, но у нее будет свой, серьезный, не опустившийся до «рыночного» уровня, читатель, которому наша работа, надо надеяться, принесет пользу.

— За годы революционного переустройства России был нанесен мощный удар по историческому традиционному бытованию; рушились храмы, памятники нашим славным предкам, стирались сами русские названия городов, улиц, площадей. Хочется верить, что сегодня общество очнулось от беспамятства: поднимается порушенное, возвращаются родные имена городов и улиц, заново в тех же формах воссоздаются храмы. Многие восстановительные идеи, казавшиеся поначалу фантастическими, воплощаются. Вспомним восставший из небытия храм Христа Спасителя в Москве. Заново отстраиваются некогда утраченные храмы, часовни, памятники.

Но в нашем благословенном граде Иркутске, особенно в центральной его части увековечены даже не имена, а псевдонимы революционеров-разрушителей и преданы забвению те, кто строил город, способствовал духовному просвещению, налаживал торговлю.

Иногда в прессе звучат слова о возвращении улицам исконных названий, о восстановлении памятника строителям Транссибирской железнодорожной магистрали, которой кстати, исполнилось 100 лет, и даже о восстановлении, точнее сказать о строительстве заново кафедрального собора. Как вы к этому относитесь?

— Это довольно постыдная страница нынешнего Иркутска — носить в названиях улиц и тем самым продолжать вбивать в плоть и кровь горожанам имена убийц, террористов, гонителей нашего национального духа, «пламенных революционеров», пламень которых был направлен против исторической России, и отказывать именам основателей, строителей, меценатов, культурных и научных деятелей нашего отнюдь не рядового города. Это постыдная страница не одного лишь Иркутска, а большинства провинциальных городов, больших и малых, но Иркутск это общее упрямство ничуть не оправдывает. Смотрите, что получается: социалистическую собственность растащили, социалистическую нравственность убили, вызывающе принимается закон о продаже земли; вот-вот, помяните мое слово, будет легализована проституция, т. е. все лучшее от прежнего строя уничтожено, а вот это, отнюдь не лучшее, этот «иконоста» 20-х, самых жестоких для России, годов остается неприкосновенным. Что за тайны? Что за страх? И требуется-то для переименования улиц всего-навсего решение Городской думы, а не Совмина, как раньше.

В 80-х годах в России (не в СССР, а в России) было более 60 тысяч улиц, носивших имя Розы Люксембург, проживавшей в Германии деятельницы мирового коммунистического движения. А если бы их осталось 20 тысяч — что, память о Розе Люксембург была бы оскорблена? Роза Люксембург, как и Клара Цеткин, как и Марат, вероятней всего, и не подозревали о существовании Иркутска; их имена в соответствующей рамке останутся в мировой истории, но зачем они Иркутску? Иркутску больше подobaет не забывать имена графа Муравьева-Амурского и графа Сперанского, Кузнецова и Сибириковых, Пежемского и Кротова...

И уж совсем не несут ноги без крайней нужды на улицы убийц — Софьи Перовской и Халтурина.

Есть улица Иосифа Уткина и нет улицы Константина Седых; есть улица Усиевича и нет улиц академиков Герасимова и Оклад-

никова. Странное обслуживание того, что не любило, чего там не любило — ненавидело Россию и вдоволь потрудились для ее духовного и физического убиения.

Вот и получается, что легче нынче восстановить храм, чем поменять название улицы. Удивительное постоянство в небрежении к своей неискаженной памяти!

Что касается Иркутского Кафедрального собора, взорванного в 30-е годы, — насколько я знаю, на этом месте епархия совместно с областной администрацией собираются поставить храм-памятник, воспроизводящий собор в уменьшенных формах. Но опять же: на какой площади? На Тихвинской или на площади Кирова?

— **Ваша повесть «Пожар», написанная в начале перестройки, вызвала резонанс у читающей публики. Вы очень точно обозначили начало «мирового пожара» для России, вывели образы архаровцев, свекорыстных рвачей, людей без чести и совести, которые успевали под треск огня, в клубах дыма растаскивать народное добро. В конце 80-х годов вы представляли масштабы того грабежа, который последовал вслед за развалом СССР?**

— Нет, конечно, не представлял. Ни в одном дурном сне не могло такое привидеться. Истинные масштабы разрушения оказались в сотни, в тысячи раз сильнее тех, которые можно было предполагать. Происшедшее перевернуло государство с ног на голову, а все его ценности, все составляющие вывернуло наизнанку. Оказалось, что вне государства, вне прочной власти и порядка не выстает и человек, не выстает здравый смысл, теряется нравственная и духовная ориентация. В повести показано, так сказать, «низовое» расхитительство, растаскивание государственного добра теми, кто не имеет прочного места в жизни. «Перестройка» и особенно ее продолжение после 91-го года явили нам редкую в истории и печальную картину того, как власть, сама власть мобилизует граждан на уничтожение государства, т.е. сама власть выступает в роли мародера. Новейшая и бесстыднейшая пропаганда помutilа умы людей настолько, что они перестали за государством, за строем, которые сегодня одно, а завтра другое, видеть Отечество, приют всей исторической России. Мой Иван Петрович, герой «Пожара», давно уже скончался от сердечного удара при виде «пожара», объявшего всю страну. Миллионы их, лучших

и совестливейших, скончались от сердечного удара или наложили на себя руки от возможности жить в аду. В 1996 году Ельцин никак не должен был быть избранным на второй срок — и все-таки избрали. Избрали богатые? Нет, их бы не хватило и в пятой доле. Избирали и бедные, из грязи и нищеты тянули они руки, чтобы проголосовать за «всемирного».

Духовную оккупацию гусинских и березовских выдержать оказалось труднее, чем загнать в бункер Гитлера. Вседозволенность обернулась диктатом худшего. Никогда еще враги России не добивались столь впечатляющих результатов в стандартизации «этого народа».

Для меня эта в сущности добровольная сдача в плен явилась самой большой неожиданностью. Ближайшие годы покажут, была ли достигнута победа окончательной или мы все-таки способны, по хорошему русскому слову, очухаться. Кстати, сельских людей, живущих среди природы и на земле, а не на асфальте, демократический и рыночный вертеп закружил гораздо меньше. Можно сказать, что сегодня Русь отступила в деревню.

Но она ведь и начиналась с деревни. И все ее беды начались с того, что она перестала видеть в деревне свою родную мать.

— **В этом году исполняется 10 лет создания ГКЧП и знаменитого «Слова к народу», которое вызвало шквальный огонь разрушителей СССР. Что происходило далее, мы все знаем. К сожалению, в руководстве ГКЧП не оказалось сильной личности осознающей всю трагичность происходящего. Никто не взял на себя ответственность, может быть крест, никто не проявил силы власти, чтобы защитить народ. Государство было разрушено.**

Иногда раздаются голоса обвиняющие писателей консервативного направления в том, что они способствовали разрушению государства. Называют Солженицына, Зиновьева, Бородину, называют вас и многих других. На волне перестройки все ждали перемен и говорили о них, так как политическая и экономическая система нуждались в преобразовании и улучшении. Каждый имел свои представления о реформах, но как признался позднее Зиновьев: «Целились в коммунизм, а попали в Россию». Насколько все же на ваш взгляд могло быть сильным влияние писателей на разрушение существовавшей государственности?

— Тут в одном вопросе у вас несколько вопросов, и ответить основательно на них не удастся. Для этого потребовались бы не газетные и даже не журнальные страницы, а книги, и такие книги о роли интеллигенции в разрушении СССР, а затем и России, есть. Можно сослаться на работы С. Кара-Мурзы, И. Шафаревича, В. Кожина, В. Бондаренко, двухтомник С. Куняева «Поэзия. Судьба. Россия» и др. «Наши плюралисты» свое дело сделали. «Наши плюралисты» — название статьи А. Солженицына, написанной еще в 70-е годы, где есть такие слова (я цитировал их и прежде, а потому помню хорошо): «...отвались завтра партийная бюрократия — эти культурные силы выйдут на поверхность — и не о народных нуждах, не о земле, не о вымирании мы услышим их тысячекратный рев, не об ответственности и обязанности каждого, а о правах, правах... — и разгрохают наши остатки еще в одном Феврале, еще в одном развале».

И разгрохали все эти евтушенки, черниченки, коротичи, адамовичи и прочие. Помню, какой визг и вой стоял на съездах народных депутатов (еще СССР), с какой страстью и ненавистью грохали, грохали и грохали. А очнулись — кто в Америке, кто в Израиле, кто в Германии, а кто и совсем далеко. Они свое дело сделали — и их отпихнули более ретивые и наглые. Сейчас эти писатели заняты устройством для себя музеев и памятников. И пусть. Память народная с ними уже разобралась.

«Слово к народу», о котором вы сказали, было отчаянным криком о спасении государства и Отечества. Напечатайте сегодня это письмо, и вы увидите, что ни одного неверного слова там нет, все, о чем предупреждалось, свершилось с лихвой. Письмо запоздало и, пожалуй, не могло не запоздать: пожар уже охватил всю страну, бесноватые умы побеждали, и «пятая колонна» прорвалась в первую колонну, второе за XX век предательство безнациональной интеллигенции повергло страну в хаос.

О консервативных, о национальных писателях, якобы тоже способствовавших этим событиям. Не пойму, каким макарон попал в их число и я. Уж не потому ли, что написал «Матеру» и выступил тем самым против беспамятства и бездумной, технократической практики в экономике, которая тоже была частью государства? Или тем, что на первом депутатском съезде в ответ на угрозы украинников выйти из СССР выступил и

сказал, чтобы не пугали, Россия проживет и без них. Она создавала им благоденствие, той же Прибалтике, Грузии, а они с ненавистью называли ее дармоедкой. Как тут было утерпеть? Не утерпел и до сих пор считаю, что правильно сделал. Отмолчаться было бы трусостью. Или тем я попал в число «пособников», что с уважением всегда относился к А. И. Солженицыну, даже и не во всем с ним соглашаясь? Но у большого человека и ошибки, как известно, бывают большие, масштабный ум не позволяет ему скатываться к мелочам.

И тут опять придется обратиться к таким понятиям, как государство и Отечество. Государство есть существующий на сегодня в Отечестве политический, экономический и социальный порядок. Оно подобно надстройке, в которой живет настоящее. Отечество — вечно, оно, кроме того что наземно, еще и укоренено глубоко в родную почву, еще и поднято в небеса. Если даже государство мало считается с Отечеством, оно живет его соками и вырастает в его почву.

Не повредив Отечеству, нельзя силой устранив государство. Но соблазн борьбы и победы порой бывает сильнее рассудка. А между тем, пока патриоты Отечества из эмиграции добивались Родины без коммунизма, Россия успела прорасти сквозь него и заканчивала переиначивать его на свой лад. Чудится мне, что, не случись «перестройки», дай событиям развиваться естественно и эволюционно, улиц Софьи Перовской и Розы Люксембург сегодня в Иркутске бы не было.

Беды бы не было — вот что главное.

— Последнее десятилетие в жизни русского народа и России было, может быть, самым тяжелым за всю нашу историю и по материальным, человеческим и территориальным потерям, и самым смутным по духовно-нравственным и национально-государственным ориентирам. Тем не менее, сегодня уже очевидно, что очередной либерально-руссофобский «дранг нах остен» выдохся, в то же время сил национально-патриотического сопротивления еще недостаточно, чтобы овладеть ситуацией и изменить ее. Наступило как бы затишье, возможно, чисто психологического плана — все устали от непрерывной борьбы, но не отказались от достижения своих целей.

Как вы в этой ситуации оцениваете наше общее национальное самочувствие? Мы просто устали, но вот сейчас, отдох-

нем, оглядимся ... или, вспоминая Пушкина, «иссякло русское море»?

— Поход на Восток вроде бы действительно иссяк, поверженная Россия поднимается на ноги, но поднимается, похоже, для того, чтобы в рост оказаться в объятиях Запада. Новый президент решил соединить в своей политике две вещи: возвращение авторитета и жизнеспособности страны и встраивание ее в экономику глобального мирового хозяйства. Но это малосовместимые вещи. Западу Россия нужна в своем обществе не как друг и товарищ, а как сырьевой донор и управляемая взнузданная лошадка. Разве не слышим мы, как все чаще руководители НАТО и западных держав недвусмысленно заявляют, что в нынешнем мире «права человека» важнее любого суверенитета и что для утверждения «прав человека» они готовы ворваться в любой суверенитет? Разве не доказали они это в Югославии? Взяв на себя обязательства по этим пресловутым «правам», которые на деле есть не что иное, как наручники, и соглашаясь с другими «гуманитарными» требованиями сообщества (например, с отменной смертной казни), Россия, в сущности, подписывает приговор своей самобытности и самостоятельности.

Дело не в том, думаю, что мы психологически или физически устали от борьбы за свое, родное. Но прежде чем осознали, мы почувствовали, что просто проклятиями, просто требованиями делу уже не помочь. Игра по-прежнему идет крупная, с прежними нашими методами в ней никто не считается. В результате этой игры «спустят», как конституцию, завоеванное положение вещей — и будь добр или живи по нему, или отправляйся к праотцам. По этому положению вещей не станут запрещать нам называться своим именем, петь свои песни, произносить свои молитвы, читать свои книги — да ради Бога, это уже не имеет никакого значения, пойте, молитесь, читайте — пока сами не разучитесь этого делать.

Грустно? Да, грустно. И как бы я хотел, чтобы я был не прав. Но в любом случае... Есть у нас ободряющая поговорка: умирать собирайся, а рожь сей. А кто за лукошко берется, от того и смерть отступает.

— После атаки Всемирного торгового центра и Пентагона мир стал более уязвим, чем был накануне. Стало ясно, что никакие системы противоракетной обороны не способны защитить ни одно государ-

ство, даже такое мощное как США. Тот мировой порядок, который США пытаются навязать в планитарных масштабах всем без исключения, вызывает протест и противодействие многих стран. Неужели забыто, что в истории такие попытки уже были, достаточно вспомнить планы Гитлера, и мы знаем, чем это заканчивалось?

— Мир после 11 сентября действительно стал иным, с этим нельзя не согласиться. Америка впервые после Перл-Харбора, когда японцы в 1941 году разбомбили ее военную базу на Гавайях, испытала шок, притом на этот раз более сильный, показавший, что американцы держать удар не умеют. Конечно, терроризм оправдывать нельзя, и шесть тысяч погибших говорят сами за себя, но разве Америка не была тем же самым террористом, когда в 1999 году бомбила Югославию, разве не показала она себя варваром, когда сбрасывала атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки и применяла напалм во Вьетнаме, разве не пограла она справедливость в мире, присвоив себе право казнить и милловать кого ей заблагорассудится не по закону совести, а по праву сильного? И разве не она своей политикой и своей «культурой» посеяла на земном шаре бесстыдство и жестокость? Долго скребла на свой хребет кошка и все-таки наскребла. Два символа США — небоскребы и Пентагон — были повержены в течение нескольких часов, бездуховная, пресытившаяся за чужой счет, ни с кем не считающаяся страна лопнула как перезревший арбуз, и все ее противоречия, все гнойники, в том числе и национальные, вывалились наружу.

В мире Америку не любят давно, и поддерживает ее (условно) лишь тот «золотой миллиард», которому она обещает благоденствие устройством глобального порядка несправедливости и хищничества. Остальным пяти миллиардам любить ее не за что. Миф о всеильности Америки 11 сентября лопнул. Ее тактика загребать жар чужими руками в Афганистане подтверждает, что она боится арабов. Ей бы следовало для собственного же спасения открыть глаза на себя, а она, объявив тотальную войну террору, науськивает на арабский мир своих вассалов.

В которых видит и Россию. Не странно ли: тот порядок, ту систему, которые привели Америку к трагедии, Россия, как без ума влюбленная простушка, по-прежнему продолжает примеривать на себя?

— Наши либерал-реформаторы, западники на все лады трезвонят о правовом обществе, диктатуре закона, ссылаясь при этом на опыт европейской цивилизации. Но вот о фундаменте, об источнике Закона говорить не желают. Между тем, на латыни «юстиция» — это не что иное, как справедливость. А справедливость — понятие социальное и национальное одновременно. И то, что либеральные реформы проводятся с попранием всех понятий (и в первую очередь, русских) справедливости и в экономике, и в социальных отношениях, и в национально-государственном устройстве, едва ли кто возьмется отрицать публично. Приходится им напомнить о понятиях банальных для европейского правосознания, известных еще с древнеримских времен («где не действует мораль — законы бессильны»).

Не пора ли нашей литературе перенести все-таки свое внимание с жертв обстоятельств, вроде Выкрутасова из романа А. Сегеня «Русский ураган», на «творцов катаклизмов»?

— Да разве нужно доказывать, что мораль нужна и что без нее погибель?! Известно, что могучие древние цивилизации, и римскую, и византийскую, погубили не нашествия варваров, это уже производная причина, а нашествие внутреннее — нравственное разложение как верхушки, так и демоса. У нас сейчас понятие «нравственность» склонны относить или к архаическим, отжившим свой век, или к «частным»: каждый гражданин имеет право владеть совестью как особого рода собственностью, а имеет право и не владеть. Похоже, в этом больше всего и заключается «правовое государство».

Относительно Выкрутасова из «Русского урагана» А. Сегеня я согласен: симпатичная жертва обстоятельств, которая этим своим положением вполне довольна. Согласен и с тем, что пришла пора — как бы не запоздала только эта пора! — откровенней говорить о виновниках наших несчастий, но пер-

вая пора литературы сейчас — посильное воспитание и закаливание человека, способного в «пиаровской» обстановке разобраться, когда его дурят и когда желают ему счастья. Эта задача осложняется тем, что требуется не просто «вдохнуть» здравый смысл, а вдохнуть с такой уверенностью, что его невозможно не принять.

— В этой связи огромную помощь должна оказать наша национально мыслящая творческая интеллигенция. Вот пример. Актер иркутского Театра народной драмы Андрей Мингалев написал слова на музыку марша «Прошание славянки», и они в исполнении Кубанского казачьего хора заставили встать участников съезда прокурорских работников и слушать марш стоя. А небывалый успех, особенно среди молодежи, фильма «Брат» и особенно «Брат-2». Это говорит о том, что русский человек еще не отчаялся в возможности восстановления справедливости. Как вы думаете, не пришла ли пора русского национального реализма? Иначе нацию не поднять... Кажется, пришло время осмыслить вековую эпоху русского национального сопротивления и дать молодежи образцы для подражания?

— Это должен быть не просто национальный реализм (он нужен, нужен, но уже в следующей форме) — нужен национальный жертвенный реализм, так бы я его назвал. Жертвенный — не в смысле покорности, Россия и без того такими жертвами завалена, а в смысле готовности отдать жизнь, но выйти из этого гнетущего положения. Посмотрите, как точно русский язык в однокоренных словах предлагает противоположный, бойцовский смысл: «отчаянный» — выходящий из круга отчаяния; «жертвенный» — возносящийся над кругом молчаливых жертв. Куда делись у нас Сусанины, Карбышевы, Матросовы, Столыпины и Гагарины? Подвиг каждого из них был настолько велик и могуч, что они навсегда должны были остаться вождями народа — когда находились последователи, которые обращали к ним народ.